

Грустная Вселенная Беккета

Среди апрельских юбиларов Шарль Бодлер — 175 лет со дня рождения, но, поскольку на этой странице уже представлен поэт — Николай Заболоцкий, пришлось искать "замену", и другим юбиларом стал Сэмюэль Беккет: 13 апреля ему исполняется 90 лет. Один из королей абсурда, Беккет сегодня вполне уместен, он, как говорится, на злобу дня.

Когда отмечали 80-летие Беккета, французский журнал "Лир" так отозвался о нем: "Писатель, драматург, возможно, святой, наконец, человек, единственный в своем роде на этой земле". У нас в стране, где господствовала литература социалистического реализма, Беккета долго не признавали. А точнее, поносили. Литературная энциклопедия отнесла писателя к представителям современного декаданса, отметив, что его творчество насквозь проникнуто отчаянием, наполнено ощущением бессмысленности жизни, ну а речи героев — бессвязный "поток сознания". Советские критики на все лады отмечали, что Беккет — "апокалипсис отчаяния и одиночества", а его театр — "гнездо патологических комплексов", "мир ледяного ужаса". Как вы знаете, у нас любили и любят уничтожающие формулировки.

Прошло время. Рухнула жинерадостная коммунистическая империя, и оказалось, что на ее просторах также дует ледяной ветер отчаяния, а людям одиноко и страшно, не меньше, чем героям Беккета. Ну а что касается "гнезда патологических комплексов", то на сегодня оно всюду разворшено, и эти самые жуткие комплексы разгуливают свободно, убивая, насилюя, грабя и наводя страх и ужас на нормальных людей. Наступил час признания Сэмюэля Беккета. Его стали у нас издавать и ставить в театрах. В 1989 году, кажется, в Москве шли сразу аж четыре различные постановки беккетовского шедевра — "В ожидании Годо". В одной из них, в театре-студии "Человек", роль Владимира блестяще сыграл Александр Феклистов.

О жизни Беккета известно мало. Есть два типа писателей: одни о себе кричат на каждом перекрестке, раздают множество интервью и "светятся", где надо и не надо, другие предпочитают одиночество и о себе не особенно любят разглаживать. Ко второму типу принадлежал Беккет, более того, он был не только молчаливым, но и затворником. Он сторонился встреч с журналистами, с поклонниками его таланта и просто любопытствующими. Не давал интервью, не читал лекции и вообще избегал всякой публичности. Лишь на склоне лет немного "расколло-

ся", а точнее говоря, ровно 7 лет его "раскалывала" американка Дэрр Бейр, чтобы написать книгу о нем. Беккет с ней встречался, охотно разговаривал, но при этом не позволял записывать что-либо, ни тем более пользоваться магнитофоном. На Западе книга Бейр вышла перед новым, 1990 годом, у нас она еще не переведена, насколько мне известно.

Несколько штрихов из жизни Сэмюэля Беккета. Родился в 1906 году в Дублине. Рос своенравным ребенком. Со школьных лет привык никогда и никому не подчиняться. Любил держать, как выражаются разведчики, ситуацию под контролем. Впервые в Париж приехал в 20-летнем возрасте. Потом вернулся в Дублин. Жизнь в Ирландии не складывалась, и в 1936 году он возвратился в Париж, где и обосновался окончательно. Писал стихи, романы, пьесы. Сначала на английском, потом на французском. Одно время помогал великому Джойсу, терявшему зрение: по его просьбе находил в книгах нужные фрагменты и читал вслух.

В 1952 году Беккет написал пьесу "В ожидании Годо", в 1957-м — "Эндшпиль", в 1959-м — "Последняя лента Крэппа", в 1960-м "Счастливые дни". В 1969 году Сэмюэлю Беккету присудили Нобелевскую премию. Драматург не только не поехал в Стокгольм на вручение премии, но все полученные деньги раздал нуждающимся друзьям и сиротам, причем сделал это анонимно, вот почему французский журнал "Лир" назвал его святым.

Да, Беккет был странным человеком и странно жил, не только без роскоши (в старости он был богачом), но и без мебели и без автомобилей. У него были странные отношения с матерью и женой Сюзанн Дюшево-Дюмесни. Скажем так, без любовных судорог. Он вообще был пасивен с женщинами. К нему питала определенные чувства Джойса Люсия, но он не пошел им навстречу, чтобы не пострадала от этого его дружба с Джойсом. И в то же время он вел знакомства со многими женщинами. Дэрр Бейр говорит: "Я, например, совершенно точно знаю, что к одной он постоянно приезжал, чтобы просто поболтать. С другой его связывали интимные отношения. С третьей любил хо-

дить по ресторанам и наливать-ся".

Беккет умер в 83-летнем возрасте 22 декабря 1989 года в Париже в клинике для престарелых. На его ночном столике лежала "Божественная комедия" Данте на итальянском языке — свою любимую книгу он читал в подлиннике. Думать о Данте было любимое занятие Беккета.

В своем творчестве Беккет немного похож на Кафку и Ионеско, но лишь основным приемом: абсурдизмом. Беккет весьма отличен от них тем, что все написанное им сродни классической японской поэзии, традиционность темы и словаря при бесконечном разнообразии нюансировки. Каждая фраза несет в себе огромный эмоциональный заряд. Кстати, приведем отрывок из стихотворения Беккета (в своеобразном синтаксисе):

**что б я делал без этого
безликого
безразличного мира
где "быть" длится только миг
где каждый миг
падает в пустоту в неведенье
"было"**

У героев пьес Беккета необычное мышление. Оно сбивчиво, противоречиво, все время кружит в замкнутом кругу. У них особый ритм движения, как будто бег на одном месте. И они — и это главное — в ожидании чего-то. Вся пьеса "В ожидании Годо" — кафкианская пьеса ожидания. Мы тоже с вами долгие десятилетия ждали обещанного "светлого будущего". У Беккета другое ожидание — апокалиптическое предчувствие надвигающейся гибели мира, тщетность и бессмысленность человеческого существования. Этот неведомый Годо нависает над всем миром.

И в то же время Беккет проявляет к своим маленьким и беззащитным героям сострадание, он понимает и сочувствует их слабости, таким, как Винни, "женщина лет пятидесяти" из "Счастливых дней": "Когда приходишь в уныние и завидуешь всякой твари — это чудо как утешает". Или другой герой — Крэпп, который нашел свою жизнь за последние тридцать лет никчемной. А это уже определенное мужество...

Вселенная Беккета грустна. А разве наша с вами веселая? Это признавал и трубадур революции Владимир Маяковский: "Для веселия планета наша мало оборудована". А следовательно, надо трудиться, вкалывать, оборудовать, обустроить. Хотя, конечно, вся эта грандиозная работа проходит "в ожидании Годо". И тут уж ничего поделывать нельзя.